

Чернявская Юлия

Можем повторить

Юлия Вячеславовна Чернявская

Можем повторить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68951907

SelfPub; 2023

Аннотация

Авторская зарисовка-размышление через мысли героя на могиле деда. Как люди под влиянием новой реальности раскрылись с неожиданной стороны.

Юлия Чернявская

Можем повторить

– Знаешь, дед, а я могу...

Молодой парень, немного за двадцать, чуть прихрамывая, прошел по дорожке и остановился у одной из могил. С фотографии на него смотрел мужчина за пятьдесят, явно подтянутый, а надпись гласила, что лежал в земле полковник Соловьев Иван Николаевич одна тысяча девятьсот двадцать четвертого года рождения.

– Все помню, дед, как ты меня воспитывал. Самому уже за девяносто, но мелкого меня за ухо ухватишь, и не вырваться. И рассказы твои помню про юность, про войну. Старшие тогда говорили, что и они бы так могли, а я боялся. Все смеялись они надо мной, что трус. Ты же только головой качал неодобрительно. Теперь Пашка в Казахстан уехал, Степка в Польше сидит. А я вот... Я на Донбассе, фашистов бью. Помнишь дед, ты нам рассказывал, как Украину освобождали. И я теперь там же, по твоим следам в прямом смысле... Сейчас вот перерыв небольшой, после ранения. В госпитале был, потом вот домой, матери на даче помогал, сколько успел. Крышу уже без меня бригада сделает, парник поправил, забор, что-то вскопать, что-то прибить. Мало ли без мужчины дел набирается. Отец работает, у них там в три смены производство шпарит. А я завтра обратно. Хотели еще пару недель

поддержать, но как я тут буду, когда там ребята без меня. Вот, поедет теперь старшина Соловьев Иван Дмитриевич порядок наводить, донести то, что вы не успели.

Невеселая улыбка, только губы скривились, а в глазах грусть, пробежала по лицу парня. Он смотрел на фото деда, вспоминал его истории, горящие глаза братьев и не мог понять, как же так, почему они там, а он, понимавший в свои десять лет, что никогда не сможет жить в землянке, пробегать по окопам под свист пуль и отражать атаки танков, явился в военкомат, хотя мог получить отсрочку – учился и работал в фирме системным администратором, занимался вопросами безопасности данных. Мог ни о чем не думать, ходить на лекции, писать программы, встречаться с девушками, ходить в клубы, бары, а вместо того отправился воевать.

Мать не отговаривала. Только обняла крепко, прошептала что-то про непутевого Ваньку, да перекрестила. А потом была дорога, сначала в часть, где они чему-то учились, в чем-то тренировались, но больше знакомились, а оттуда уже в Донецкую область. Потом были деревни, поселки, был Мариуполь, и было ранение настолько дурное, что можно был бы подозревать самострел, не будь Иван добровольцем.

– Скажи, дед, почему так? Одни стикеры на машины клеят, что повторить могут, что готовы как вы с сорок первого по сорок пятый в грязи, в снегу, половину Европы или на пузе проползти, или ногами пройти, а другие молча встают и идут. Братя так гордились тобой, победой. Сколько я от вас

всех подзатыльников заработал. Ты уже не застал, как я ленточкой Георгиевской кроссовки шнуровал. Для нас Девятое мая – еще один выходной был. Какой парад, какой полк бессмертный? Мы шашлыки уезжали жарить, пиво пить. Жрали и ржали. А сейчас Миха под Лисичанском, Влад в Запорожской, Дашка всеми правдами и неправдами медсестрой в Донецке, Колян по зрению не годен, так он волонтером по деревням ездит, продукты раздает, вывозит людей. Такие, как ты, нас конченными считали, а вон как вышло. Один брат, едва фирмы уходить стали, тут же ноги сделал вслед за деньгами, политического убежища попросил. Второй тоже за своими счетами убежал. А были бы там счета – так, название. Работу не найти, все проест да назад приедет. О матери с бабкой и не подумали.

Ответа, понятное дело не было. Не может фотография говорить. А дед и не слышит, наверное. Что ему сейчас до внука, у могилки стоящего, у него важнее дела есть – таких вот мальчишек от смерти уберегать. Жаль, всех не уберечь. Ангелы-хранители стараются, но смерти вокруг столько, что не успеть за каждым.

Иван достал из сумки тряпку, смочил водой из бутылки и принялся бережно протирать гранитное обрамление. Обычно этим занималась мать, он сам на кладбище почти не ездил, разве бабушка просила отвезти ее. Уборки было немного – кто-то приезжал не так давно. Сорняки вылезти еще не успели, так, немного пыли намело. Собрав мелкий му-

сор в пакет, молодой военный развернул газету и принялся убирать могилку цветами. Розы, пионы, дежурные гвоздики. Что-то передали родители с дачи, что-то сам купил. Никак не мог вспомнить, любил ли дед что-то из таких цветов. Вот астры – это да, он сам их выращивал на даче, сначала для внуков к первому сентября, чтобы не покупать дорогие букеты, а потом из любви к этому цветку.

– Коли доживу, дед по осени астры тебе привезу, – пообещал внук. – А ты там уж шепни, кому надо, чтобы дали нам с ребятами пожить. Можно не до самого конца, но чтобы пошли мы их оборону. Понастроили же за восемь лет, зарылись в землю, аки кроты, не знаешь, как их оттуда и выковыривать. Но ничего, дед, выковыряем всех. Знамен со свастикой к мавзолею не обещаю, но нечисть выведем.

Луч солнца, пробившийся сквозь облака, скользнул по фото, и показалось, что дед улыбается непутевому внуку. Сколько раз учил его разуму, выкручивая уши, устал, рукой махнул. А вот как оказалось. От непутевого толку больше вышло, чем от двух толковых.

– Пора мне, дед, – внук поднялся, поклонился могиле низко, как мог. – Уж прости меня, что дурнеем был. И вроде жаль мне, что ты не дожил до того дня, когда я поумнел, а с другой стороны радуюсь, что ты всего этого не видишь. Я бы и рад был еще у тебя побыть, но время. Надо еще к бабушке заглянуть, ты ее знаешь, пока три чашки чая не выпью, не отпустит, а у меня поезд. Меня там ждут.

И, больше не задерживаясь, лишь свернув к мусорным бачкам, оставить пакет, Иван пошел к выходу с кладбища. На груди, чуть поблескивал на то и дело появляющемся солнце орден за отвагу. А в голове все еще крутились мысли, почему так? Почему те, кто пылко признавался в любви к стране и родине вдруг собрали чемоданы и укатили за границу, а те, кто заглядывался, что говорить, за забор к соседу, неожиданно встали плечо к плечу. Кто-то с оружием в руках, кто-то сел за руль автомобиля и повез нуждающимся еду, лекарства, одежду, а кто-то под обстрелами давал концерты, потому что всем людям нужно хоть на полчаса забыть о боях. Вот только найти ответа не мог. Наверное, дед знал, теперь, постигнув то, что недоступно живым, он мог бы объяснить внуку, что к чему. Но к деду боец пока не собирался. Он хотел дожить до того дня, когда вернуться братья и спросить, почему он смог повторить, а они даже не рискнули попытаться.